РОМАНЫ О ВЕТЕРАНАХ СПЕЦНАЗА

ИВАН КОЗЛОВ

ОСКОЛОК ОРДЕНА

Романы о ветеранах спецназа

Иван Козлов

Осколок ордена

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Козлов И.

Осколок ордена / И. Козлов — «Эксмо», 2016 — (Романы о ветеранах спецназа)

Для бывших спецназовцев Вадима, Михаила и Андрея война, казалось бы, осталась в прошлом. Уволившись из армии, каждый из них по-своему пытается адаптироваться к мирной жизни. Но это оказывается не так просто: Мишку после ранения не берут на работу, он тихо спивается; Андрюха уехал в другой город, замкнулся в себе. Тогда Вадим собирает сослуживцев: сообща легче искать работу и преодолевать трудности. Но война преследует парней, словно тень. Друзья вдруг оказываются в самой гуще криминальных разборок, над их головами снова свистят пули, и бывшим спецназовцам опять приходится идти в бой. К своему удивлению, ветераны узнают, что за кулисами опасных событий стоит их бывший командир…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Козлов И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Вместо предисловия 6
Глава 1 9
1 9
2 12
3 14
4 15
5 17
6 18
7 20
8 22
9 24
Глава 2 25
1 25
2 28
3 30
4 33
5 35
6 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Иван Козлов
Осколок ордена

© Козлов И., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Евгению Москалеву, верному товарищу моему, посвящаю

Вместо предисловия

Лето 2001 г.

Вертолет успел прийти на грани полетного времени. Еще чуть-чуть – и багровое закатное солнце упало бы за горы, небо для полетов было бы закрыто, и продержаться до утра стало бы проблемой. Знамо дело, выходили из ситуаций и посложнее, но с Андрюхой облом – схлопотал слепую пулю. Совсем плох Андрюха. Бегать с носилками по горам – дохлый номер. Да и как побежишь, если по большому счету человек не транспортабелен?

Плюс к этому – Иса. Ису терять не хочется. Ему около сорока, темпа спецназовцев он просто не выдержит – сдохнет через пару кэмэ. И потом, кто знает, что от него можно ждать…

В общем, просто здорово, что вертушка пришла и смогла, не выключая двигателя, пристроиться на краю каменистой площадки, в метре от шасси, переходящей почти в вертикальный склон.

Трап сброшен. Иса рванулся было первым заскочить в нутро «Ми-8», но Панин попридержал его:

– Не спеши, без тебя не улетит.

В этот момент выбили в мягком ракушечнике несколько желтых фонтанчиков пули, выпущенные из дальнего леса. Скопившиеся там бородачи до этого времени не стреляли, ждали темноты, чтоб взять отряд Панина малой кровью. Уходить тому некуда – можно лишь улечься за каменными валунами и отстреливаться. Но ночью стрелять надо много, по большей части бесприцельно – на вспышки, на звуки. А сколько патронов может таскать с собой по горам отряд в восемь стволов, да к тому же только за последний день прошедший четыре огневые стычки?! Велика вероятность, что ночью спецназовцев можно будет взять чуть ли не голыми руками.

Но вертолет прилетел. И бородачи ведут огонь теперь плотно в их сторону, даже из леса рискуют высовываться, чтоб подобраться поближе, найти сектор, из которого лучше бы была видна винтокрылая машина. По таким храбрецам бьет короткими очередями Миша Гречихин. И Волин, божественный снайпер, выбирает для себя позицию поудобнее.

– Пока грузимся, я постреляю, командир, – произносит Мишка.

Панин кивает. Он выбирает в траве земляничные ягоды, бросает их по одной, словно семечки, в рот, наблюдая, как бойцы заносят в вертолет носилки с Андрюхой. Иса снова дергается, умоляюще смотрит на капитана, и тот поднимается с земли, не спеша направляется к вертолету, удерживая при этом за плечо своего спутника:

– Так, говоришь, с Абрамовым дело имел? Не врешь?

Рой пуль опять врезался в ближнюю скалу, каменные крошки полетели на них. Иса втянул голову в плечи:

– Килянус! Зачем мне врать? Абрамов сам на меня вышел, купи, говорит. А почему нет? Он предложил, килянус!

– Клясться будешь, когда прилетишь, – сказал Панин.

– Конечно. Почему нет? Я плохого ничего не делал. Ни на копейку не обманул. Все скажу, как есть…

Это были последние слова Исы. Ступив впереди Панина на первую ступеньку трапа, он как бы подпрыгнул и завалился к брюху машины. Подбежал Волин:

– Что?

Пуля вошла Исе в затылок и вышла в глаз.

– Как же невовремя, – процедил Панин.

Выскочили бойцы, помогли затащить мертвого чеченца в вертолет. Последним впрыгнул Мишка, тут же упал, схватившись за ступню:

– Сука, поймал!

Дверь захлопнулась, машина тотчас сорвалась с места, уходя от обстрела бежавших сюда боевиков как бы вниз, в ущелье. Майор Германов, прилетевший с вертолетом, осматривая Мишкину ногу, сказал озабоченно:

– Хреново, сустав раздробило.

– А с Андрюхой как? – спросил Панин.

Врач чуть дернул плечами:

– Можем не довезти.

Вадим Панин сжал кулаки:

– Что? Я тебе не довезу! Я тебе сейчас не довезу!

Майор спокойно и устало ответил:

– Не забывайтесь, товарищ капитан. И не требуйте от меня невозможного. Я лгать отучен.

На площадке вертолет встречали медики и подполковник Буров. Когда носилки с ранеными унесли, комбат легонько ткнул Панина кулаком в грудь:

– Вы молодцы, капитан! Такую операцию провернуть! Так что сверли дырку для ордена.

– Мне бы сейчас компоту холодного.

– Будет компот! Я в столовую сей миг заскочу, а ты – к генералу на доклад, он тебя ждет. Оттуда – сразу за стол.

Они идут гравийной дорожкой. Солнце уже потухло, встречные люди угадываются лишь по голосам:

– Панин, привет!.. С возвращением!.. Как вы там?.. Вад, опять живой?

– Да куда ж я на хрен денусь!

Сбоку аллейки стоят двое. При приближении Панина и Бурова один спешно уходит, а второго капитан узнает и говорит Бурову:

– В общем, я все понял, товарищ подполковник. К генералу, потом компот. А сейчас – разрешите, я буквально на полминуты, со старым знакомым словцом перекинусь.

Буров кивает, спешит к столовой, а Вадим останавливается возле того, кого он узнал в этом полумраке:

– Абрамов?

Офицер службы тыла подполковник Абрамов поворачивается к нему:

– А по уставу обращаться у вас не принято, товарищ капитан?

Панин пропускает замечание мимо ушей:

– Не довез я по твою душу Ису, Абрамов.

Тот ухмыльнулся:

– С чем и поздравляю.

Вадим с трудом, но сдержал себя:

– Ошибка твоя. Надо было сейчас удивиться и сказать, что ты не знаешь никакого Исы.

– А что, верно. Не знаю я никакого Исы, и топайте своим маршрутом, товарищ капитан, не лезьте куда не надо.

Напряжение последних дней сказалось на Панине, выдержка изменила ему.

– Ну ты и гад!

Ударил он подполковника коротко, без замаха, тот, падая, по-бабьи заверещал и был услышан. Люди потянулись на звуки, как мотыльки на свет. Буров тоже рванул к дерущимся уже с крыльца столовой, но остановился, увидев, что туда спешит и генерал.

– Не замять, – простонал Буров.

А еще через несколько дней комбат стоял с Вадимом на железнодорожном перроне, смолил сигарету за сигаретой и говорил сокрушенно:

– Уволят, уволят, конечно, но поверь, Вадим, все, что от меня зависит… Я еще раз по начальству пойду…

– Да ладно, – отмахивался Панин. – Не под трибунал же.

– Слабое утешение. Тебе, может, сейчас даже легче, а мне таких офицеров терять… С кем останусь, а?

– Егор Федорович, мы в батальон тоже зелеными дураками пришли, однако ж научились чему-то.

– Тоже правильно, но жизнь изменилась, Вадик, сейчас учить молодежь некогда, разве что сразу под огнем крестить.

Проводница пригласила на посадку, потянулся и звякнул железными суставами состав.

– Вадим, но хоть сейчас мне скажи, за что Абрамову морду набил, а?

Панин лишь рукой махнул:

– Раз доказать ничего не могу, то что мои слова?

– Правильно, конечно. Но Волин, крысеныш, взял и обгадил тебя. С ним-то вы что не поделили?

– А это и для меня загадка, Егор Федорович. Хороший снайпер, в бою надежен… Не понял я его. Ну да Бог Волину судья.

– На Бога все перекладывать не надо. Чует сердце, парни из отряда с ним поговорят.

Тронулся поезд. Буров с Вадимом пошли за поплывшим вагоном.

– Вадик, ты не падай духом. Если совсем плохо станет – дай знать, у меня же в Москве есть хорошие други, хоть и не высокого полета, но наши. Я к тому, что если с работой трудно будет…

– Да не пропаду я!

И Панин с шиком запрыгнул на ступеньку набирающего ход поезда.

Глава 1

1

Ровно год прошел, от лета до лета.

С главными героями нашей повести мы, конечно же, увидимся, а сейчас посетим небольшой ресторан «Альтаир», затерянный на одной из старых улочек Москвы, куда не заглядывают зеваки и туристы и не забегают перекусить киоскеры и курьеры. Ресторан этот дорогой, у него есть свои клиенты, и даже в будничные вечера найти тут свободное место – проблема.

Но сейчас день. В зале на небольшой сцене возятся с аппаратурой музыканты, в углу у двери сидят несколько крепких парней с напряженными лицами – ясное дело, охрана. По другую сторону от них, через проход, пьет минералку такой же крепкий и высокий молодой человек, но раскованный и погруженный в себя. В ухе у него «таблетка», наверное, от магнитофона, покоящегося в кармане пиджака, он, скорее всего, слушает музыку и легкомысленно помахивает пальцем, словно дирижируя невидимым оркестром.

А за единственно сервированным столиком расположились трое и ведут вполне светскую беседу.

Они знакомы друг с другом. Правда, давно не виделись. Хозяин «Альтаира» Алан, тридцать с копейками, сухой, подтянутый, спортивный, все время проводит в хлопотах о своем заведении, сам ищет поваров, официантов, артистов, заказывает мебель и думает над интерьером зала. Он многого добился: сюда приходят известные актеры, футболисты, политики, здесь в кабинетах, скрытых от посторонних глаз, ведут переговоры коммерсанты, а седые благообразные литераторы гладят коленки начинающим поэтессам… Но никакого разврата, никаких рулеток, карт, наркотиков…

С другом своим, Стасом, сидящим по левую руку, Алан занимал когда-то нехилые комсомольские должности в райкомах столицы. Сейчас Стас один из тех, кто отвечает за продовольственное обеспечение Москвы. Он вечно в разъездах, на совещаниях, планерках, сегодня лишь чудом выкроил пару часов, чтоб приехать сюда. Чуть поплыл в талии, стал обзаводиться лысиной, но женщины бы однозначно сказали, что он еще очень даже ничего.

Третий человек за столом – их давний партийный босс Константин Евгеньевич Рассадин. Ему около пятидесяти, но одет броско, по-молодежному. И лицо такое, будто он вчера сделал подтяжку.

Рассадин крутит головой, рассматривает зал ресторана, выворачивает нижнюю губу:

– Нехило, честное комсомольское, нехило! И говоришь, не пустует заведение-то?

– Некоторые столики на месяц вперед расписаны.

– Ну да, ну да, – понимающе кивает Рассадин. – Что дела идут успешно, можно по охране твоей судить. Ребятки вышколенные, спинки прямые, лица суровые – хоть к Мавзолею ставь. Ты их не в Голливуде нанял, а?

– У всех черные пояса, – сказал Алан.

Рассадин тихо засмеялся:

– Купили небось. А вообще, не можешь ты без понтов, друг мой ситцевый. Это у вас на Кавказе отличительный признак.

– Я родился и вырос в Москве, – сухо ответил Алан. – Кавказ тут ни при чем.

– При чем, дружок. Суть ведь не в прописке, а в крови. Вот посмотри на Стаса. Он деньжищами ворочает – не в пример тебе, к министрам двери ногой открывает, а держит сидящего против твоих тихого скромного человечка, который небось или в ФСБ служил, или в десантуре. Так, Стас?

Стас этой встрече не очень рад, не скрывает это и смотрит на часы:

– Константин Евгеньевич, вы хотели с нами поговорить по делу… Я через полчаса ухожу.

Рассадин кусает губу, с иронической улыбкой смотрит на Стаса:

– И в этом полет виден. Хорошо себя держишь. Скажи спасибо старой школе воспитания.

Алан тоже замялся на стуле:

– Евгенич, мне тоже надо… Деловая встреча…

Рассадин покачал головой:

– Вот чем Россия от Испании отличается, где я прекрасно пожил почти пять лет: здесь все деловые, все суетятся. Никто не живет в свое удовольствие.

– Зачем же вы вернулись? – спросил Стас.

– Да, три дня назад вернулся. Зачем – чуть позже скажу, а сейчас загадку вам загадаю. Знаете, кого в тот час, когда я прилетел, в аэропорту встречали? Телевидение, газеты? Ого-го, какого человека! Которого вы в свое время обули, ребятки, и он никак не забудет это и не простит. Просто ваше счастье, он еще не знает, кто так классно это проделал. Разве может он подумать на вас?!

– И на вас, – сказал Стас. – Идея, кстати, была ваша.

Рассадин отпил маленькими глотками вино из бокала, блаженно прикрыл глаза:

– Спасибо, Аланчик, сие есть не бормотуха, не паленка – истинно напиток богов. Что же касается вас-нас, то истина, Стас, знаешь в чем? В бумагах, которые хранятся у меня. А там черным по белому расписано, кто кинул на миллионы нынешнего члена правительства, и моей фамилии, поверьте, нигде нет. А ваши – есть.

– И дальше что? – спросил Стас.

– Неужто тебе, умному человеку, непонятно? Вот теперь я скажу, зачем вернулся туда, где по-прежнему бедлам и никакого порядка. Из рая – в ад. Вы сами не догадываетесь?

– Ностальгия по родине, – буркнул Стас.

– Очень остроумно. Но все проще. Там, где рай, деньги хорошо тратить, а не зарабатывать. Вот я их и потратил, быстрее, чем думалось. А у нас у каждого их тогда немало было, так же? И добыты они были… Вот сейчас государственные мужи ищут кандидатур на роль участников экономических преступлений, чтоб их на съедение толпе бросить. Время от времени, знаете ли, такие жертвоприношения надо делать. Лучше всего в этот список включить тех, имена которых и не совсем вроде первые, но и не последние. Ты, Стас, в эту категорию попадаешь. Ты в Европе и Азии договора заключаешь, о тебе газеты пишут. Алан пойдет к тебе довеском.

На некоторое время за столиком воцарилась тишина. Алан во все глаза смотрел на товарища, ждал, что тот ответит бывшему боссу.

– Сколько ты хочешь? – спросил наконец Стас.

– Наличкой? Нет. Долю в твоем бизнесе хочу. Допустим, пятьдесят на пятьдесят. Бумаги, которые я сохранил, стоят того, честное комсомольское.

Стас хмыкнул, встал со стула:

– До свиданья.

Рассадин, не меняя ироничного тона, попробовал его удержать:

– Я прошу всего половину. Но будешь ерепениться – можешь потерять больше. Подумай. Ровно месяц тебе на это даю.

– Можешь считать, что месяц прошел, – сухо сказал Стас, вытащил из кошелька купюру, положил ее возле своей тарелки и направился к выходу.

Алан как-то нервно посмотрел вслед ему, тоже достал кошелек, но смутился под потяжелевшим взглядом Рассадина:

– И этот туда же… Алан, ты помнишь, какие у меня тут связи были? Так вот, они остались. Поэтому ты, наверное, поверишь, что через пару дней в газетах появится информашка о

том, что некий московский ресторатор, лицо кавказской национальности, связан с боевиками, оказывает им материальную поддержку и есть свидетельства того, что им и его заведением заинтересовались соответствующие органы. Хочешь такой публикации?

– Я чист перед законом, – неуверенно ответил Алан. – Меня сто раз уже проверяли, и именно потому, что я лицо кав…

– Еще сто раз проверят! Да так проверять будут, что без штанов в свои горы побежишь!

– И чего вы от меня хотите?

Рассадин вновь, теперь уже демонстративно, оглядывает зал ресторана, сцену, охранников…

Тот, который с наушником, допил воду, закончил дирижировать, но слушать не перестал. Правда, не музыку.

Панин, а это был он, слушал переговоры за столом.

– Чего хочу? – спросил Рассадин. – Хорошее у тебя гнездышко. Я давно мечтал приобрести что-то в этом роде.

Вадиму здесь делать было больше нечего, он вышел из ресторана и оглядел автостоянку. Собственно, и оглядывать-то нечего: поскольку заведение еще закрыто, кроме машины Стаса, здесь стоял ярко-синий «Форд». Стало быть, Рассадин приехал на нем.

2

Книжные развалы начинаются от входа в метро, оккупируют маленькую площадь и переходят даже на тротуар. Столики создают помеху прохожим, но никто не ропщет. Самый читающий на планете народ объелся классики, истосковался по иной литературе, точнее, хочет увидеть ее, хочет узнать, кто еще писал в этом мире книги, кроме Пушкина, Белинского, Драйзера и Бальзака. Покупателей, особенно у метро и вокзалов, много, офени ими не дорожат, ведут себя, как считают нужным. Наглеют, но не совсем, конечно. Водку держат в бутылке из-под «Ессентуков», пить стараются не морщась и не вздрагивая, закусывая маринованными огурцами с бутербродами. А что, обед без отрыва от производства.

Мишка Гречихин держит в одной руке уже пустой пластиковый стакан, в другой огрызок огурца, передает это хозяйство соседу справа, а человек, стоящий слева, смотрит на просвет «Ессентуки» – там осталось граммов сто.

Возле него уже минут десять стоит женщина, перебирает книги, читает навскидку, открывая их на произвольной странице, изучает аннотации.

– Мадам ищет что-то конкретно? – спрашивает офеня с бутылкой.

– Да. Что-нибудь подешевле, в дорогу.

– Так это вот там, – показывает он на киоск, стоящий метрах в пятидесяти.

– Да? Большое спасибо, зайду туда. А что вы мне посоветуете взять?

– Туалетную бумагу.

Потенциальная покупательница скукоживается, шарахается от лотка, а продавец кричит ей вслед:

– Книги вам не что-нибудь, они кладезь мудрости, мадам! – И теперь уже поворачивается к Гречихину. – Ну что, допьем?

Спросил он это без особого энтузиазма и обрадовался, когда Мишка ответил:

– Нет, я пас. У меня сегодня еще встреча. Дай лаврушку зажевать.

– Держи.

Гречихин договорился о встрече с бывшим своим командиром Вадимом Паниным. Есть повод. У Андрюхи скоро день рождения, после ряда сложных операций он уехал на лесную базу, не хочет никого видеть, даже друзей. Но Вадик придумал один ход, и если он сработает…

Мишка идет по переходу почти не хромая. Вот удивительная вещь, размышляет он, когда немного выпьешь, не чувствуешь боли, даже протез не ощущаешь. Или это только кажется с нетрезвой головы? Плоховато одно: если Вадим унюхает водку – выскажет. Вроде и не командир он уже давно, но выскажет так, что пару дней потом и пиво в горло не полезет. Хорошо, лавровый лист терпкий попался, должен отбить запах.

У эскалатора Мишка замедлил шаг, потом и вовсе остановился. Там стоят два парня – в камуфляже, с гитарами. Прямо на полу, у их ног, лежит краповый берет с горкой купюр, к нему булавкой прикреплена картонка, на которой фломастером выведено:

«Сборы для лечения сослуживцев».

Парни поют – как плачут: «Так прощай же, мамочка родная, я за вас сегодня умираю»… Галиматья эта Мишке не нравится, но он все-таки дожидается, когда певцы перестают зазывать, берется рукой за гриф одной из гитар и спрашивает их вполне миролюбиво:

– Где воевали, хлопчики?

Один из них наклонился, собирая купюры, второй, чью гитару как раз прихватил Гречихин, шипит, пытаясь вырвать ее:

– Выпил – катись, понял?

– Нигде не воевали, – заключает черт-те из чего Мишка, но остается по-прежнему еще добрым и мягким. – И ладно. Деньгу сшибать разрешаю, но крап, хлопчики, не позорьте. Кра-

повые береты, знаете, как даются? Тяжело даются. Ни на пол их бросать, ни носить для понта никак нельзя.

Тот, который собирал деньги, разогнулся, бугай бугаем, на голову выше Гречихина, и процедил сквозь зубы:

– Катись отсюда, разрешитель хренов, пока вторую ногу тебе не оторвали, понял?

Не надо было ему так говорить. Только одно бугая прощало – он не знал Мишку.

Мишка аж повеселел, услышав такое. Гитара целиком оказалась в его руках.

– Понял, гетерасты долбаные, все я прекрасно понял! Сейчас вы у меня запоете как надо!

Широкий замах – и голова одного из этих самых гетерастов пробивает корпус гитары…

Еще минут через пять Мишка уже сидит в комнате милиции и ведет беседу с сержантом, заполняющим бланк. Тут же находится и капитан милиции Куропаткин, но он в эту беседу почти не вмешивается, листает газету.

– Где работаем, господин Гречихин? – спрашивает сержант, рассматривая его паспорт.

– Да тут, на развале, книги продаю.

– По какому случаю выпили?

– Мы втроем работаем, у одного день рождения, ну и…

– Ясненько. С ногой что?

– Чечня, спецназ. Ранение, – коротко отвечает Гречихин.

– Вот как? И по пьянке своих же братьев по оружию отметелил?

– Да какие это братья? Вы напрасно их, между прочим, отпустили! Сволочи это. И кто им разрешил только… – При этих словах капитан напрягся, даже газета дрогнула в руке, но Мишка сменил тему: – Я считаю, святое дело сделал.

Сержант хихикнул:

– За святое дело и пойдешь по хулиганству.

– Что, прямо сегодня?

– Нет, на Канарах дадим перед этим отдохнуть.

Мишка тяжело вздыхает и качает головой:

– Вообще-то я понимаю, раз заработал… Но только не во мне одном дело. Человек пострадает… Товарищи, разрешите звонок сделать, а?

– Министру или депутату? Нас тут этим часто пугают, только учти, мы не из пугливых.

– Нет, мне другу звякнуть.

Сержант совсем развеселился:

– Звонок другу в викторине «Кто хочет дать милиционеру»…

Капитану не нравится такая шутка, он закрывает газету, сухо говорит:

– Звони.

Мишка вытаскивает сотовый:

– Вадик, привет. Слушай, срывается сегодня встреча… Потому что я тебе из милиции звоню…

3

Вдали от московского шума и гама на берегу водохранилища стоит тихий и чистый городок ученых. На плотине можно взять моторку, полчаса плыть вдоль лесного берега, островов, заросших высокими соснами, мимо тихих заливов с кувшинками и ондатрами, которых называют «гастрономами», и причалить у черной полуразрушенной пристани. Тут расположена рыболовная база, одна из многих в этих краях, но лишь ее признает Андрей. Сюда он мальчишкой еще ездил с отцом, рыбалил и собирал ягоду. Знает тропы, клевые места, завсегдатаев уютных домиков. Отец Андрея – человек компанейский, то на уху всех пригласит, то к костру вытащит, и потому Андрюха таким же рос…

Но сейчас он никого не хочет видеть. С утра уплыл к ближним островам, в камыши, немного порыбачил, а потом лег на дно лодки, расстегнул до пупа рубаху – и смотрит в небо. Там нет ничего интересного, кроме чаек, но и их Андрей, похоже, не замечает. У него неживой взгляд. Так и лежит он весь день, даже вода и бутерброды остаются нетронутыми.

Чуть качнулась лодка на тихой волне. Это значит, кто-то подплывает, уже почти рядом. Андрей первым делом застегивает рубаху, чтоб скрыть от чужого глаза красный еще шрам – от ребер и почти до горла. Только потом поднимает голову и садится. Покой его, оказывается, потревожил Сергей Иванович, бывший сослуживец отца. Он давно в отставке и, почитай, все лето живет здесь. В Афгане горел в танке, с тех пор проблема с легкими, вот врачи и прописали быть больше на свежем воздухе. Заядлым рыбаком Сергей Иванович не стал, до сих пор удочки в камышах путает, но сам процесс ловли ему нравится.

– Андрюша, с тобой все нормально? А то смотрю, лежишь и лежишь, думаю, может, плохо стало.

– Все нормально. Просто вечерний клев жду.

– А утренний как прошел?

Андрей достал из воды садок, в нем плескались язи и подлещики.

– Забирай, Сергей Иванович, я все равно с рыбой возиться не буду.

– Ну так а чего ж! – Старик пересыпал себе улов, Андрею протянул ведерко, накрытое мокрой тряпкой. – Червей возьми, у меня остались. Я бы тоже, конечно, на вечерней зорьке посидел, да жена ждет, заругает. Тебе хорошо, ты не женат… – Увидев, как помрачнело лицо парня, он попробовал сменить тему. – Ты, если ерш попадаться будет, не выбрасывай, Анна Федотовна уху нам сварганит. У меня под уху водка хорошая…

Андрей лишь кивнул в ответ. И старик погреб к берегу, бормоча под нос:

– Вот хрен старый, дернуло про женитьбу сказать! Знал же все…

Еще с курсантских годов у Андрея была невеста, Татьяна. Он сюда, на базу, как-то с ней приезжал, уже лейтенантом. Видная такая, прямо хоть на обложки журналов помещай. Свадьбу хотели сыграть еще прошлой осенью, ждали, что вернется Андрей с Чечни, возьмет отпуск…

А оно вон как получилось. Татьяна всего раз в госпитале его навестила. Как увидела послеоперационного, с этой раной – и все, и забыла, что платье подвенечное уже выбирала.

Осуждать девку, конечно, легче всего, а понять можно – испугалась. Ну как всю жизнь сиделкой при инвалиде провести придется?

Весло неудачно вошло в воду, подняло брызги, а ветер кинул их в лицо Сергея Ивановича. Он вытерся рукавом и уверенно сказал:

– Ничего, поправится парень, обязательно. Худшее-то позади. Теперь бы растормошить его как-то…

4

Руководителем службы охраны у Стаса был Васильев, спокойный мужичок лет за сорок, бывший майор милиции, которому надоело пахать за копейки. На службе он звезд с неба не хватал, хоть был исполнительным, порядочным, но всегда действовал без всяких авантюр и риска, а с такими качествами карьеру не сделаешь. В общем, ушел из органов Васильев.

Сейчас он сидит в своем небольшом кабинете, любуется недавно сделанной фотографией. На ней – шестилетняя доченька, Варенька, среди луговых цветов, и на головке венок из желтых одуванчиков. Замечательная фотография! Ее даже на стенде в детском саду вывесили, куда доченька ходит.

Варенька – долгожданный ребенок. Женился Васильев еще в двадцать лет на первой своей любви, однокласснице, и по сей день уверен, что нет краше и лучше этой женщины, а вот с детьми как-то долго не получалось. Подумывали уже из детдома на воспитание взять, и тут счастье выпало – Варенька родилась. На имени сам настоял, назвал так же, как и жену зовут…

Панин заканчивает разговор по телефону, и Васильев, убирая фотографию, спрашивает с улыбкой:

– Я так понял, опять дружок твой влип, Мишка?

– Правильно поняли, – со вздохом отвечает Вадим. – Выручать надо.

– Выручай. Сегодня ты свободен, машину шефа только на сервис покажи.

Машина у Стаса – что надо машина, серебристый «мерс». На нем и подъезжает Панин к нужной станции метро, вылезать не спешит, через стекло обозревает ситуацию, прикидывая, как поступить дальше. Так, есть маленькая зацепка: на ступеньках, у колонн, стоит девочка-курсантка из школы милиции, ответственность на ее лице написана, значит, не случайно здесь оказалась, а долг исполняет. К примеру, на стажировке. Девочка полненькая, ноги коротковаты для модели, а вот глаза очень доверчивые, добрые такие глаза.

Сам Панин – франт да и только! Дорогой костюм, модный галстук, очки шеф из Франции привез, в руках солидный кейс… Сначала он идет к цветочному киоску, покупает там пурпурную розу на длинной ножке, а потом уже подруливает к курсантке:

– Боюсь показаться банальным, но эта роза вряд ли достойна вашей красоты!

Эту фразу могут до конца понять и оценить только девушки, которым еще не говорили таких комплиментов! Вот и эта – поплыла, заулыбалась, и ямочки на щечках сразу украсили ее.

– Вы на стажировке здесь?

Этот видный красавец не просто так, наверное, спрашивает, имеет, наверное, право спрашивать.

– Да, – тихо блеет она.

– Хорошо, очень хорошо, что наши ряды пополняются такими красавицами. Вашему командиру повезло, так и скажите ему. Впрочем, я сам скажу. У вас ведь тут этот… как его… Господи, забыл…

Курсантка тотчас приходит на помощь:

– Старший лей… Ой, капитан Куропаткин, позавчера только капитана получил.

– Да это я знаю. Как зовут – забыл. Старость не радость.

– Ну какой же вы старый, это бывает даже со мной. А зовут его Анатолий Анатольевич.

– Уже Анатольевич! Как же года летят! Но в сонме их, клянусь, не видел девушек прекрасней! Вы дадите мне надежду на новую встречу?

Курсантка прижимает к груди розу:

– Я и сегодня, после девятнадцати…

– Сегодня исключено, но мы еще увидимся, даю слово!

Вадим галантно кланяется ей, забегает в метро, а девушка зачарованно смотрит ему вослед…

Дверь в комнату милиции расположена правее от касс, Панин уверенно открывает ее и попадает в весьма просторный кабинет. За столом сидит сержант, напротив него Гречихин, а у дальней стены, на стуле, капитан рассматривает глянцевый журнал. К нему в первую очередь и обращается, протягивая руку, Панин:

– Толя, привет!

Капитан, обалдев, все-таки отвечает на рукопожатие. Вадим здоровается теперь и с сержантом, но продолжает говорить с офицером:

– С капитаном тебя! – Ставит на стол кейс, открывает, вытаскивает оттуда бутылку «Хеннесси». – Но выпьем не сейчас, тороплюсь, как… Но ты молодец, молодец, честное слово, так скоро и меня переплюнешь. – Только теперь он, кажется, замечает Мишку. – А этот раздолбай что опять натворил? Мишель, ты чего хороших людей грузишь?

Сержант смотрит на бутылку, тут же комкает заполненные уже листы, бросает их в корзину для мусора:

– Да нет, все нормально, он тут морды начистил некоторым, ну, тем, кому и надо чистить.

Панин весело и шумно вздыхает:

– Ой, ну нельзя тебе пить, никак нельзя! Не умеешь ты пить! Ладно, братишки, инцидент исчерпан? Я его забираю, отвожу домой, а сам – к замминистра. Вы же знаете, к нему если опоздаешь, – и он сокрушенно щелкает пальцами по циферблату.

Сержант убирает бутылку в нижний ящик стола:

– Да какой вопрос!

Панин опять трясет руки капитану и сержанту:

– Все, бывайте! На днях заскочу, но сегодня, Толик, – извини!

И выходит в дверь, подталкивая в спину Мишку.

А Куропаткин продолжает разглядывать свою ладонь, сосредоточенно вспоминая, кто же это одарил их такой дорогой выпивкой. Об этом спрашивает и сержант:

– А кто этот ваш дружок крутой, товарищ капитан?

Ничего не может вспомнить Куропаткин. Подозрения роятся в его голове:

– Убей, не знаю! Ну фраер… А ну-ка пойдем…

Они выскакивают из метро как раз в тот миг, когда Вадим и Миша усаживаются в представительный серебристый «мерс». Вадим взмахнул им на прощание рукой, сержант в ответ кинул руку к козырьку, а Куропаткин поднял ладонь и при этом пожал плечами.

5

Квартира Рассадина расположена не то чтоб в самом центре столицы, но в прекрасном месте. Окна зала выходят на тихий зеленый дворик. Лет десять назад тут были разбиты клумбы, даже бил маленький фонтан, стояли скамьи, но теперь клумбы поросли травой, фонтан иссяк, от скамеек остались металлические скелеты…

Рассадин стоит у окна, пьет кофе и дает наставления трем своим людям, сидящим на диване за журнальным столиком. На столике – водка, селедка, зеленый лук.

– Попугать надо как следует, но без крайних мер, – говорит Рассадин. – Мне они нужны живые и поумневшие. Особенно Стас. Чтоб золотые яйца нес, а клевал пшено с моей ладони. Поняли задачу, да?

Один из трех, внемлющих сейчас боссу, – его водитель. Лицо грубовато высечено из серого булыжника, особенно ошибся скульптор с носом, тот получился бесформенным и кривым. Водитель – ровесник Рассадина, они знакомы еще с райкомовских времен.

– Чего ж не понять, – отвечает водитель. – Яйца целыми оставим, вот только про пшено уточните.

Рассадин чуть не плеснул на себя кофе. Отсмеявшись, вздохнул:

– Ничего за мой отъезд не изменилось, не поумнел народ. Хряк, тебе тоже про просо уточнять надо?

Этому кличка дана в самую точку. Лицо круглое, нос пятаком, глаза маленькие, свирепые. Но соображалка работает исправно.

– У Стаса дача за городом, я бы там пошухарил.

Рассадин думает несколько секунд и соглашается:

– Пошухарите. Только без грабежа. Пусть знает, что не воры к нему залезли, а люди с иными помыслами. С чистыми. Заодно и новичка в деле проверите.

Новичок моложе всех, кто собрался в этой квартире с высокими сталинскими потолками, со старой, не прессованной, а истинно деревянной мебелью, с хрустальными подвесками на люстре. Но он уже кое-что повидал в жизни. Служил по контракту в спецназе, имеет боевую медаль за Чечню, мастер по рукопашному бою, снайпер.

Фамилия его Волин.

6

Она спокойным шагом вышла из офиса, увидела нужную машину, направилась к ней, демонстративно поглядывая на часы:

– У меня ровно десять минут. Что вам надо?

– А здрастьте где наше? – спросил Мишка.

Татьяна даже не улыбнулась:

– Ну здравствуйте.

Словно бы включаясь в игру, посмотрел на часы и Панин. Потом сказал:

– Татьяна, мы на день рождения к Андрюхе на базу едем.

– Можете передать ему привет.

– Само собой. Но вообще-то хотелось бы большего: привезти туда тебя. Утром приедем, а вечером того же дня, если не захочешь остаться…

– Вадим, я не буду ждать десяти минут. На эту тему я разговаривать не хочу. И не поеду туда ни на день, ни на час.

Гречихин стал заводиться:

– Я так и знал. А чего же ты, когда на выпуск в училище к нам приезжала, говорила, что готова за ним хоть на край… Нет, Вадик, тебя с нами не было, но она же говорила…

Татьяна как не слышала Мишку, стояла и курила, глядя поверх их голов.

– Я понимаю, – сказал Вадим. – Ну кончилась любовь и кончилась. Бывает такое. Только расставаться надо светло, Таня. Человеку плохо, а у него день рождения, понимаешь? А мы приедем, посидим, поговорим – это никого ни к чему не обязывает. И он все поймет, и мы понимаем…

– Вы бант купили?

– Какой бант? – не понял Мишка.

– Цвет в нашем возрасте не имеет значения. Упаковать меня, обвязать, вручить, как куклу, в подарок. Только я не кукла. И не сестра-сиделка.

– Да кукла ты, кукла без мозгов! – зачастил Гречихин. – Когда с ним все нормально было, ты какие песни пела? Или забыла?

Она бросила окурок в урну, опять проигнорировав Мишкины крики, обратилась к Панину:

– Ну не героиня я, не героиня! Судите, ваше право, с грязью мешайте. Только, Вадим, мне это не высказывайте, пожалуйста. И не приезжайте больше.

Она резко развернулась и ушла. Вадим подождал, пока дверь офиса за ней закрылась, и лишь потом сказал:

– Отрицательный результат – тоже результат. Точки над «i» поставлены.

– Какие точки? – спросил Мишка.

– Сейчас объясню. Подожди-ка меня минуту в машине и постарайся за это время в милицию не попасть.

Панин прошел к киоску, стоящему возле автобусной остановки, купил там мешок с кукурузными палочками, воду, конфеты, банку кофе, все положил на заднее сиденье, лихо рванул машину с места:

– Знаешь, что мне Акимов сказал? Врач, который Андрюху оперировал?

– Лекарства какие нужны?

– Нет. Баба ему нужна, Андрюхе нашему. Чего ты лыбишься? Я точно говорю. Нормальная горячая женщина. После таких ранений очень важно, чтоб человек в себя поверил, ни руки не опускал, ни… Да брось ты ржать! Это Акимов так говорит! Ты Акимову веришь?

– Чего ж не верить, Акимов – это… это Акимов!

– То-то и оно. Так что Татьяна на эту роль не подошла бы все равно. Тут профессионалка нужна. И это я, пожалуй, возьму на себя, поскольку Ольга тебя попросту убьет, если возьмешься за такое деликатное поручение. Вот, кстати, и она.

Панин остановил машину у общежития, где жил Мишка. Его жена Ольга вместе с сыном, пятилетним Олегом, как раз подходила к подъезду. Мишка выскочил, взял у жены из рук пакет. Пакет был прозрачным, и Панин увидел его содержимое: батон хлеба и пакет молока. Семью друга Вадим, как всегда, приветствует поднятой рукой и кричит мальчику:

– Олежка, папа здесь еще покупки забыл, возьми на заднем сиденье.

Малыш стремглав мчится к «мерсу», берет палочки, кофе, воду, конфеты…

– Мама, помоги, у меня в руках все не помещается!

Ольга лишь качает головой:

– Вадим, что ты делаешь! Ну зачем? У нас завтра зарплата…

– Молчи, женщина! – И поворачивается к Олежке: – Чтоб маме меньше таскать, я тебя к самому подъезду довезу, не против?

Ольга, принимая покупки, предлагает:

– Пойдем к нам, кофе попьем?

– Оль, ты знаешь, почему меня держат на работе? Я пунктуален. Никогда никуда не опаздываю. И сейчас спешу.

7

Хряк вылил на ковер последнюю бутылку керосина и уже пустую швырнул ее в стеклянную дверцу посудного буфета. Стекло рассыпалось на куски вместе со столовым сервизом. Удовлетворенный, он еще раз окинул эту самую большую и до недавнего времени со вкусом обставленную комнату подмосковной дачи. Картины порезаны, мебель разломана, обои залиты краской, и вот теперь – все в керосине. Как Рассадин просил, так и сделано.

Водитель с ломиком в руке вышел из ванной:

– Марафет там навел, сантехнику надо теперь всю новую покупать. А вообще, Хряк, я удивляюсь: Стас – человек такого полета, а домик обычный, никаких наворотов. Ну так что, будем хозяев ждать или?.. – Он вытащил из кармана зажигалку.

– Убери, псих! – прикрикнул Хряк. – Сказано же было – без крайних мер!

– А пожар разве крайняя мера?

– Мы зачем крушили тут все? Попугать человека. Если он на пепелище приедет – это не страшно, понимаешь? Это несчастный случай, короткое замыкание или бомжи подожгли.

Водитель нехотя убрал зажигалку в карман:

– А ждать их зачем? Может, они и не приедут сегодня?

– Может, – ответил Хряк. – Обычно Стас приезжает к девятнадцати, сейчас восемнадцать пятьдесят, подождем с запасом, позвоним Рассадину, послушаем, что он посоветует.

– Ты умный, – почесал затылок водитель. – Как у тебя все складно получается. Далеко пойдешь.

– Ну, по сравнению с некоторыми, чтоб выглядеть умным, не много и надо.

– Да, – не поняв издевки, закивал собеседник, и тут ожил сотовый Хряка.

– Едут, – доложил Волин, поджидавший их в машине на соседней улице.

Хряк подошел к окну: вдоль липовой рощи в сторону дачного поселка двигались две иномарки: серебряный «мерс» и японский внедорожник. Водитель уже ломанулся к винтовой лестнице, но Хряк попридержал его:

– Не торопись. Уходим так, чтоб нас увидели и сели на хвост. И не забудь, по какой дороге ехать к карьерам, а то сами же и вляпаемся в свою ловушку…

На «мерсе» ехал Стас с шофером Коленькой, метрах в пяти от них вел «японца» Панин, а Васильев ему говорил:

– Эту дачу еще родители его построили, когда живы были. А тогда – сам знаешь: нельзя выше, нельзя больше, нельзя красивее… Шеф в память о них все здесь и оставил, как было. А что, главное – уютно, родовым гнездом пахнет.

Вообще-то они должны были ехать впереди шефа, по трассе так и было, но тут дорога, считай, проселочная, тихая, на такой ничего не может случиться, вот Стас и решил пыль не глотать. Потому первым стал подруливать к своему дому, а бегущих из этого дома через участок на противоположную сторону двух мужчин заметил Вадим.

Васильев сориентировался быстро:

– Вправо бери, тут переулок. И дальше участков нет, так что никуда они не денутся! – И крикнул Коленьке: – На дачу не входить, от шефа ни на шаг!

Когда внедорожник выскочил на параллельную улицу, тянущуюся между поселком и редколесьем, стало ясно, что из дома Стаса бежали не бродяги или мелкие воришки. Их тут ждала машина, джип камуфляжной расцветки, по заду и пыльной завесе трудно было точно определить марку, но с места джип рванул очень резво. Как ни жал на газ Вадим, дистанция – метров сорок – так и не сокращалась.

Поселок закончился, дальше дорога пошла вдоль поля. Впереди виднелся лес, справа – водоем. Возле него дорога вдруг разделилась. Параллельно этой, чуть выше, прямо по плотине

огромного пруда, потянулась другая, плохая – разбитая тракторными траками и напоминающая стиральную доску. Но убегавшие почему-то предпочли именно ее.

Панин не поменял маршрута, начал догонять беглецов, и Васильев заводил его криками:

– Вот так, вот так! Давай! Жми!

Но Вадим зачем-то поступил наоборот: сбросил газ, резко ударил по тормозам, проорал напарнику:

– Из машины!

И сам выпрыгнул, когда внедорожник еще не успокоился от погони. То же сделал Васильев, и в миг, когда он упал на землю, метрах в трех впереди них взметнулся взрыв. Не затормози они, взрыв раздался бы как раз под днищем.

Убегавшие тоже остановились, правда, всего на какие-то секунды. Никто из салона не вышел, но оттуда раздался глуховатый хлопок, и неизвестная машина поехала дальше. Совсем скоро она исчезла за деревьями. Оттуда около километра до трассы, так что возобновлять погоню было бессмысленно.

Панин и Васильев продолжали сидеть на обочине.

– Вадим, а как ты узнал?..

– Подумал, какого черта они выбрали стиральную доску. А когда увидел по курсу охапку соломы, которой неоткуда тут взяться…

– Какой соломы?

– Со своей головы можете пару соломин снять. Они лежали как раз там, где сейчас воронка.

– В Чечне с таким сталкивался? – спросил Васильев.

– Само собой.

Васильев поднялся, стал осматривать внедорожник:

– Повезло еще, осколки мимо прошли. Или мина такая.

– Мина такая, – сказал Вадим, продолжая сидеть.

– Блин! Вадик, а дырочка все же есть!

В лобовом стекле, точнехонько посередине, виднелось круглое отверстие, оставленное пулей.

Панин, разглядывая его, присвистнул, а Васильев заключил:

– Останься мы в салоне, кто-то бы из нас ее схлопотал. Если бы, конечно, чуть правее или чуть левее… Хорошо, смазал стрелок.

– Или очень точно стрелял, – в раздумье сказал Панин.

– То есть?

– То есть никого убивать и не хотел. Понимаете, и мину можно было помощней найти, и нас выцелить, а не в стекло бить. Хотя черт его знает…

8

Выслушав просьбу Панина отлучиться на пару дней, Стас ответил:

– Мне главное, чтоб когда нужно, вы были рядом. Хоть в воскресенье, хоть в полночь, хоть в великие праздники. А сейчас что ж, два-три дня – ваши. Я улетаю с Васильевым на Украину, буду в пятницу, какой рейс встречать – сообщу.

– Я провожу вас в аэропорт.

– Зачем? Я же сказал, улетаю с Васильевым…

– Если можно, я все же провожу вас.

– Как знаешь.

– И пожалуйста, больше не выезжайте вперед машины охраны.

Стас с веселым прищуром посмотрел на Панина, но ничего не ответил. Хотя на языке у него висел вопрос: «В войнуху играем или выслуживаемся?» В другое время он бы, наверное, и задал его, да строители все еще никак не навели порядок на даче. Война, значит, и вправду имеет место быть.

Поездка в аэропорт обошлась без происшествий. Вадим припарковал машину не рядом с «мерсом» шефа, но в зоне видимости. При этом проехал так, чтоб оглядеть по возможности всю стоянку. Надежда увидеть что-нибудь знакомое и интересное была минимальной, но она все же осуществилась. Ярко-синий «Форд» выделялся на фоне унылых темных цветов. Конечно, могло быть просто совпадением, что Рассадин именно в этот день и в это время тоже здесь по своим делам, но лучше не упускать его из виду…

И Рассадин был начеку, не дремал, сидя на заднем сиденье. Панина он, конечно, не видел, потому что сосредоточил все внимание на машине Стаса. Вот вышел Васильев с чемоданом, вот и сам Стас показался. Достал сотовый, с кем-то ведет разговор. Охранник стоит метрах в восьми. И пусть стоит.

– Хряк, поди-ка пригласи моего друга на разговор. Пусть сюда подойдет.

– Стас? А если не захочет?

– А ты порешительней будь. Только без рук, конечно. На этом этапе, думается мне, многое можно решить еще полюбовно. По его реакции мы сейчас поймем, какие выводы он сделал из происшествия на даче.

Рассадину через стекло хорошо видно, как идет Хряк. Уверенно, вразвалочку, как и надо. Вот столкнулся лоб в лоб с каким-то недотепой. Никак не разойдутся на ровном месте. Так, пинать уже друг друга начали…

Стоп! У недотепы морда знакомая. Ну да, точно! Рассадин вспомнил: этот парень сидел в ресторане Алана, у выхода. На Стаса работает и сейчас на пути Хряка оказался, конечно же, не случайно.

Вот они наконец-то разошлись, но Стаса и Васильева уже нет. Хряк задергался, закрутил головой, Рассадину даже кажется, что он заскулил, как ищейка, потерявшая след.

– Кинули нашего Хряка, – улыбнулся совсем не расстроенный Рассадин. – Грамотно кинули. Ты знаешь его? – обратился он к водителю.

– Да. Новый охранник Стаса.

– Хороший.

– Убрать его надо?

– Может быть, но это вопрос не сегодняшнего дня. А сегодня слушай, что я говорю. Я хорошо помню юного Стаса и всех его комсомолочек. Девочки у него были как близнята: черненькие, плотненькие, фигуристые. Хохлушечки, наевшие круглые попы. Не думаю, что этим идеалам он изменил. Соображаешь, к чему я это говорю?

Водитель по-лошадиному тряхнул головой, но по этому жесту трудно было понять, дошел ли до него смысл слов босса. Потому Рассадин решил совсем уж раскрыть карты:

– Женщин у Стаса сейчас нет, он с головой в работе, и было бы хорошо найти ему такую. – Рассадин моментально перевел взгляд на Волина, сидевшего рядом с ним на заднем сиденье. – Это я тебе говорю, юноша. Водитель у нас только подковы разгибать спец, а ты на евнуха не похож. Правда, в Москве не так давно, но вдруг на родине, на батьковщине твоей, гарна дивчина есть, а?

– Подумаю, – скупо сказал Волин.

Вернулся Хряк, виновато пробасил:

– Потерял я его. Может, он регистрацию проходит? Я могу к стойкам сбегать…

– Сбегать, конечно, можешь, но лучше скажи, как же ты с парнем сейчас не справился, а? Он худее тебя в два раза!

– Вы же сказали силу не применять.

– Боюсь, если б я этого и не говорил, ты бы битым вернулся. Крепкий парень.

– Скажите – завалим, – пожал плечами водитель.

– Против лома нет приема?

– Можно и ломом. Но лучше, конечно, ствол иметь.

Рассадин хмыкнул:

– Ствол при дурной голове… Кстати, Волин, ты ведь служивый человек, говорят, с Чечни чуть ли не все возвращаются с оружием. Я бы пару пистолетов приобрел. Так, на всякий случай. Для самообороны. Есть такая возможность?

– Подумать надо.

Водитель потер руки:

– Вот тогда мы этого…

Рассадин его резко оборвал:

– Заткнись, маньяк! Может быть, конечно, ты такое задание когда-нибудь и получишь, но знай, что я принципиально против мокрых дел. Куда красивее человека не убить, а купить. Купим этого красавчика и, значит, нанесем еще один удар Стасу.

– Панина не купить, – сказал Волин.

Рассадин с интересом посмотрел на него:

– Так вы знакомы?

– Да. После Чечни я его сейчас впервые увидел. Мой бывший командир. Его не купить.

– Что, на земле есть такие? Мой юный друг, учи Маркса. Купить можно все, правда, за разную цену.

9

Нельзя сказать, что Вадим был завсегдатаем этого ночного клуба, но иногда – захаживал. Во всяком случае, официантка его сегодня узнала:

– Как всегда – испанское домашнее?

– Как всегда.

Свет в зале был приглушенный, и Панин даже пожалел, что так ярко залита софитами сцена: на ней у шеста выступали девочки-стриптизерши. Они смотрелись бы привлекательнее при более интимном освещении. Прекрасные их тела должен все же окутывать полумрак…

С одной из стриптизерш, Наташей, он был немного знаком. Она как раз завершает свой номер, и Вадим показывает ей на пустующее рядом место. Наташа чуть заметно кивает и минут через двадцать, уже одетая, составляет ему компанию.

Она тоже пьет вино.

– Вадик, я так ничего толком и не поняла, что ты наговорил по телефону. Куда-то ехать надо, какое-то приключение обещал…

– И продолжаю обещать. Я бы на твоем месте согласился вслепую!

– Вадик, вслепую не пойдет. Говори толком, куда надо ехать и кто он, этот твой дружок?

– Отвечаю на первый вопрос. Там ягода-малина, парное молоко, а вместо этих дрянных шестов, что на сцене, – белые березки, так что навыки свои не утратишь.

– Второй вопрос?

– Чудный человек. Сейчас говорю без юмора, Наташа. Офицер до мозга костей, у него дед в войну полком командовал, отец с горячих точек не вылезает и сейчас там воюет, полковник… Настоящий полковник. А Андрюха еле живой после ранения остался. Инвалидность получил, невеста его бросила, и он сбежал из города в глушь, чтоб никого не слышать и не видеть. Он вообще сломаться может, понимаешь? Если в себя не поверит. Вот и прошу выручить человека. Соединишь приятное с полезным. Свежий воздух, грибы-ягоды, песчаный пляж, жареный судак… На твоем месте я бы за такое даже денег не брал.

Наташа сделала еще пару глотков, раздумывая над заманчивым предложением, но потом решительно возразила:

– Сессия на носу, я ее без денег не вытащу, так что прости, Вадик.

Он кладет перед ней кошелек.

– Я еще не сказала «да».

– Будем считать, что сказала. Значит, так. Утренней электричкой едешь до Дубны, я там тебя встречаю и показываю нужную тропу, на этой тропе тебя будет ждать Миша…

– Миша? Кто такой?

– Такой же раздолбай, как и я. Он покажет, куда топать дальше. Запомни главное: с Андреем надо тебе встретиться вроде как случайно, понимаешь?

Наташа взяла кошелек.

Глава 2

1

Найти катер на дамбе оказалось делом минутным. Первому же лодочнику пообещали дорогую бутылку водки, а тут и дешевую в магазинах не найдешь, в очередях стоять надо, так что посуху даже не перекурили. Да, собственно, и времени-то на перекур не было. Выехали они сюда дневной электричкой, так что солнце уже на закат идет…

Моторка летит красиво, чуть задрав нос. Мишка опускает ладонь в воду и мелкие брызги сеют ему на лицо. Тельняшка на груди сразу становится мокрой. Он даже немного жалеет, что показывается нужная пристань и пора причаливать.

Лодочник помогает им выносить на берег вещи, осторожно берется за рюкзак: в нем звякает стеклотара.

– Моя здесь? – спрашивает он у Панина так, будто говорит о любимой женщине.

– Само собой! – Вадим развязывает рюкзак, достает литровую бутылку, протягивает мужику. – Так мы договорились? Завтра подплываешь сюда в шесть ноль-ноль?

Лодочник щелкает каблуками сапог:

– Так точно! Как штык! Похмелиться-то будет хотеться, и ежели наутро еще и пивка холодненького… Но у таких гвардейцев вряд ли что останется, да?

– Так и быть, одну гарантирую!

Выходит из лесу и подходит к приехавшим жена Сергея Ивановича – Анна Федотовна. В руках у нее лукошко с земляникой. Щурится, улыбаясь:

– Узнаю гостей. Вы уже приезжали по весне. К Андрюше, да?

Панин тоже узнает ее:

– Анна Федотовна, правильно? У меня, между прочим, потрясающая память на прекрасных женщин! Ух ты, земляничка! А пахнет как!

– Угощайтесь. Тут ее полно.

Панин не отказывается:

– С удовольствием! Да из хороших рук!

Он берет несколько ягод, бросает в рот, жмурится от удовольствия.

– А где наш именинник, дрыхнет?

Женщина переходит на шепот:

– Ой, ребятки, с ним беда. С утра уплывает, и на воде, на воде… Просто лежит в лодке и в небо смотрит. Мама хотела приехать, так он ей категорически запретил.

– Мы и от мамы ему подарок привезли. – Вадим резко, подражая индейцам, кричит, хлопая ладонью по губам: – И-и-и-и…

Боевой клич команчей разносится над водой.

– Вы надолго? – спрашивает Анна Федотовна.

– Как только все выпьем… – отвечает Мишка, показывая на горлышки бутылок, торчащих из рюкзака, и на ящик с пивом.

Анна Федотовна улыбается:

– На день, значит…

Из камышей, что растут у островка чуть левее базы, раздается ответный крик:

– И-и-и-и…

Его слышат и студенты-биологи, работающие этим летом под Дубной. Их семеро, и плюс преподаватель, Софья Матвеевна. Она качает головой:

– И тут покоя от пьяниц нет! Хоть бы зверя не пугали, ладно уж людей.

Она наклоняется, срывает какое-то чахлое растеньице, спрашивает стоящего рядом парня:

– Борис, вот кислица обыкновенная. Будь добр, скажи, чем она для нас интересна?

Борис берет из рук Софьи Матвеевны травинку, глубокомысленно смотрит на нее и тут замечает однокурсницу Настю, крепко сбитую девушку в вязаной красной шапочке.

– Настя! – кричит он. – У нас тут вопрос к тебе. Что сие есть?

Преподаватель ничего не успевает сказать, а Настя уже отвечает:

– Оксалис Ацетоселла. Клейстогамные цветки. Лепестки редуцированы, пыльники не вскрываются. Самоопыление идет внутри бутона.

– Правильно! – восклицает Борис. – Я, Софья Матвеевна, это же самое и хотел сказать.

Преподаватель замахивается на него хворостинкой, он, смеясь, убегает, а она кричит вслед:

– К ужину не опаздывать!

– Не опоздаю. Только посмотрю, по какому поводу на охотбазе с ума сходят.

А на базе никто с ума и не сходил. Трое друзей праздновали встречу вполне пристойно и культурно. Догорал костер, дозревали на мангале шашлыки, Мишка выстроил в ряд пустые уже бутылки, на горлышко каждой поставил по еловой шишке, стал на колени, отбросив в сторону свой ортопедический ботинок, и нунчаком ловко начал сбивать эти шишки. Андрей кинокамерой – сегодняшний подарок! – снимает Мишкино искусство. Панин перебирает струны гитары:

Ликуй, пока над головой светило катится
И рядом дачница живет в цветастом платьице.
У вас уже душа горит, и запах меда на губах,
И взгляд туманится,
Ну а она все ох да ах, я буду вашей, говорит,
Не раньше пятницы…

Все шишки сбиты. Мишка поднимает палец и торжественно говорит:

– А теперь – по заявкам родных и близких мне людей показываю трюк, который не имеет себе равных! Андрюха, оттащи бутылку подальше, метров за десять от меня, вон к тем кустам… правильно. Теперь ставь на горлышко шишку… Нет, что-нибудь поменьше… Спичечный коробок. Вот так. Отходи в сторону. Внимание… Вадик, играть туш – и смолкнуть… Отлично!

Гречихин обувается, поднимает нунчак над головой, как бы демонстрируя его почтенной публике, потом роняет, подфутболивает снаряд ногой, и тот летит в цель, не задев бутылку, сбивает коробок и зависает на кустах, в полуметре от притаившегося там Бориса. Студент ломанулся оттуда, как лось.

Хорошо, что троица не заметила этого, поскольку в ту самую секунду закричала «Ура!!!» и сразу перешла на припев любимой их песни про дачницу:

Ох да ах, ох да ах, ну какая разница,
Ох да ах, в четверг или пятницу,
Будет ваше платьице
Ох да ах, все в цветах!

А дальше все было по науке: залили костер водой, убрали за собой весь мусор и потопали к домику, где их ждал ночлег. По Панину и Андрею вообще не скажешь, что они выпили. Идут, ведут серьезный разговор.

– Серегу в штаб перевели, Денис капитана получил, наш Буров еще один орден заработал.

– И по делу, – кивает Андрей. – Хороший мужик. А где Волин?

– Я им как-то не интересовался. Но ребята рассказывали, что с их стороны ему были обещаны неприятности, потому он не стал продлевать контракт, быстренько снял погоны и слинял. Может, на свою Украину подался…

А Мишку немного развезло. Заметно прихрамывая, он идет сзади, поет дурным голосом и старается пританцовывать:

Ну какая разница, четверг или пятница,
Ну какая разница… Хоп, хоп, хоп…

Ночь наступает тихая, звездная, они не торопятся в дом, садятся на крыльце. Панин говорит Андрею:

– Я, братишка, с утра на катере уплываю, а Мишка позже – пусть выспится и пешком через лес потопает. Там недалеко. Ты только, если можно, проводи его немного, нужную тропу укажи.

– Обязательно. Да и самому пройтись надо, говорят, колосовики уже появились.

Мишка продолжает петь – как на луну воет:

– Ну какая разница!..

2

В этот самый вечер Волин, как и обещал, свел Рассадина с человеком, который мог бы продать ему пару пистолетов. Человек этот был заслуженный, солидный, в звании полковник, по состоянию здоровья пару месяцев назад ушел в запас, разъезжает по Москве в прекрасной иномарке, не сегодня-завтра займет высокую должность… С таким стоит иметь дело.

Фамилия продавца оружия – Абрамов.

Он ведет машину по лесной, еле просматривающейся дороге, затем съезжает между чахлой осиновой порослью и останавливается прямо на краю оврага. Отсюда вниз идет тропа. По тому, как уверенно идет по ней Абрамов, Рассадин понимает, что места эти его новый знакомый знает хорошо. Спуск обещает быть нескорым, и Рассадин продолжает разговор, начатый в машине:

– Вообще-то дороговато вы берете.

– Товар того стоит. Во-первых, «чистый», во-вторых, предназначен для спецподразделений, а это значит, марка и качество на высоте. И потом, Константин Евгеньевич, хозяин – барин. Я ведь не торгуюсь: не подходит цена – раскланялись и разошлись.

– Другими словами, покупатель всегда находится?

Абрамов не хочет затрагивать щекотливую тему и прямо говорит об этом собеседнику:

– Сменим пластинку. А то я начну спрашивать, на какую такую охоту вы с нашими стволами ехать собираетесь?

Спустились на дно оврага, прошли метров сто, и оказалось, что они уже у места назначения. У крутой обрывистой стены Волин прикреплял мишени-силуэты, у ног его стоял чемоданчик. Увидел прибывших, скорым шагом направился к ним.

– Показывай, что там у нас, – говорит Абрамов.

Волин открывает чемоданчик. В нем лежат четыре пистолета.

– Вы два хотели брать, Константин Евгеньевич? За вами право выбора.

– А как мы проверим?

Абрамов перебивает его:

– Для начала показывайте, какие на вас смотрят, а потом и о пристрелке потолкуем.

Рассадин не привык к такому тону. Ему бы словами поиграть, поерничать, пошутить, анекдот какой к месту вставить – так легче понять человека, с которым затеваешь какое-то дело. А Абрамов был и остался служакой: в жизни, наверное, только устав и читал.

Константин Евгеньевич долго выбирать не стал, показал на два крайних справа пистолета.

– Сколько до мишеней? – спросил Абрамов Волина.

– Тридцать пять метров, Анатолий Сергеевич.

– Вас, господин Рассадин, такая дистанция устраивает?

– Вполне.

Абрамов кивнул. Волин взял два ствола, на которые указал покупатель, и, кажется, не целясь, с двух рук стреляет по мишеням.

– Десять выстрелов, – сказал Абрамов. – Я гарантирую, что в мишенях мы насчитаем десять пробоин. Идем проверять.

– Это лишнее, – покачал головой Рассадин. – И отсюда видно, что пули в цель летели.

– Нет, все надо делать по правилам. Вы платите деньги и должны убедиться, что никакого обмана нет. Да ведь и просто же интересно посмотреть на работу снайпера. Если не ошибаюсь, он у вас начал служить, не так ли?

– Так, – кивнул Константин Евгеньевич. – И я уже вижу, что не зря его пригласил.

Волин как и не слышал этих слов.

Подошли к мишеням, насчитали десять дыр, расположившихся кучно в центре силуэта.

– Предлагаю и два других ствола проверить, – Абрамов взял пистолеты, протянул оба Рассадину: мол, за тобой право выбора.

– Я только в тире, с воздушки, – хихикнул Константин Евгеньевич. – Но учиться, думаю, надо. В России без этого не прожить.

Отошли на те же тридцать пять метров, стали стрелять. К удивлению самого Рассадина, две его пули попали в цель. Абрамов не промахивался, хотя разброс пробоин был великоват. Он и сам это отметил:

– Без тренировок нельзя.

Теперь уже втроем стали подниматься к машине.

– А если бы я захотел еще что-нибудь приобрести, а, Анатолий Сергеевич?

Тот в своей манере, не тратя попусту слов, ответил:

– Называйте марку, калибр – потом уже и разговор будет.

3

Андрей вышел на крыльцо. Утренний туман еще парит над водой. Туманы – это к грибам. Час назад на моторке уехал Вадик, тогда туман был вообще плотный. Пятьдесят метров отплыли – и все, и нет их. Андрей еще вернулся, чтобы часик поваляться в кровати, Мишка тоже вроде бы поспать собирался, но нет – сидит за столом, сколоченным у летней кухни. Перед ним початая бутылка, вяленая плотва и открытая банка тушенки.

– Андрюха, иди поправимся, а то после вечера голова бо-бо.

– Не хочу. Да и нельзя мне.

– А кому можно? Мне можно? Да если Ольга унюхает… – Он выпивает, начинает чистить рыбу, рвет ее зубами. – Хотя, пока домой доберусь, все выветрится, травку пожую, лаврушку у тебя возьму… А ты – правильно, ты не пей. Нельзя тебе. Первое знакомство, то да се… И не проси, не налью.

Андрей нарочито тяжело вздыхает:

– Так, белая горячка начинается. Ты сколько уже выпил?

Мишка приценивается к содержимому бутылки:

– Сто семьдесят восемь граммов, можешь проверять. Так что даже не думай, будто я пьян.

– О каком же ты знакомстве толкуешь?

Мишка прикладывает палец к губам:

– Тсс! Иди сюда, садись. Только подальше от водки. – Ставит бутылку ближе к себе. – Андрюха, скажу только тебе, по большому секрету, как другу. Но никому ни-ни, понял?

– Да тут мне и говорить некому. Спасибо, вы приехали.

– Приехали. Пожалуйста. Но суть в чем, брат? В сыроежках!

– М-да, – покачал головой Андрей. – Правильно Вадик говорит: нельзя тебе пить. Несешь какую-то ахинею.

– Андрюха, это же я образно… Сыроежка, да? Шапочка красная. Вот и ты такую встретишь. Студентка, комсомолка, красавица. Вадик сам выбирал лучшую из лучших, заплатил ей. Эта стриптизершей подрабатывает, а там ведь плохих не держат, Андрюха, так?

Андрей жалостливо посмотрел на друга:

– Может, никуда ты не поедешь, а? Сейчас выспишься, придешь в себя, а потом я тебя провожу на вечернюю электричку. Или попросим, чтоб на катере… Не надо о девках болтать.

Гречихин вроде как обиделся:

– А чего мне в себя приходить? Я что, алкаш, что ли? Ну да, чуть-чуть усугубил вчерашнее, но насчет девок – это же не я, это Акимов так сказал, который тебя оперировал. Он так и сказал: все болезни от баб. Нет, чего я несу. Он сказал: хорошая девка любого мужика на ноги поставит, понял? Это сам Акимов так сказал! Вот Вадим и нашел кого надо. А ты – спать, электричка… – Тут Мишку что-то осенило, он взглянул на часы, схватил бутылку, завинтил ее, стал совать в рюкзак. – Елки зеленые, электричка же скоро придет! Спешить надо! Ты идешь за грибами?

Андрей быстро собрался, взял корзину, вышел из дома. Гречихин стоял уже у тропки, ведущей от базы в лес.

– Андрюха, ты сейчас идешь к болотцу, где мы в прошлый раз подберезовики резали, помнишь?

– Есть и другие грибные места…

– Нет, ты туда идешь!

Считая, что с Мишкой сейчас лучше не спорить, Андрей согласился, провел его немного до того места, где тропы разбегались, показал нужную, а сам решил действительно побродить среди деревьев. Не все ж в лодке качаться. Да и ногам надо давать нагрузку.

Хотя для чего?

Нет смысла, утрачен смысл, если уже никогда не наденет погоны, не станет в строй, не вылетит в горячую командировку. В госпитале сказали – раны ладно, затянутся, зарубцуются, но ПВС еще даст о себе знать. Поствоенный синдром. «Вам надо его преодолеть».

Надо.

Но не хочется…

А жизнерадостный Мишка, дойдя до березового молодняка, решил, что бутылку, конечно же, следует допить сейчас: чтоб все в организме выдохлось и выветрилось, пока он доедет домой. Только вытащил ее, родимую, из рюкзака, как увидел ту, ради которой он и пошел лесом, а не уплыл на катере вместе с Паниным. Красная шапочка в спортивном костюме.

– Привет, я Миша, – сказал он ей. – Комментарии требуются?

Настя, а это была она, недоуменно посмотрела на Гречихина:

– Требуются.

– Значит, так. Видишь ту сосну? – Он показал на огромное дерево, за которым начиналось болото. – Бери чуть правее и найдешь… Не скажу кого. Все и так понятно, да?

– Понятно, – сказала Настя со вздохом.

Хотела еще кое-что добавить, но пересилила себя. Не потому, что испугалась. Просто какой толк вести дискуссии с пьяными.

– Я могу считать свою миссию выполненной, мадам?

– Вполне.

Мишка дождался, пока девушка скрылась за деревьями, приложился к горлышку, сделал пару глотков, оторвался от любимого занятия, чтоб погрызть вяленого окунька, и… очумел! По тропинке со стороны Дубны, опять навстречу ему, шла та же красная шапочка! Только теперь в мини и в кофточке, почти не скрывающей груди.

– Ни фига! – Гречихин чуть бутылку не уронил. – Ты когда переодеться успела?

Наташа оробела, повернулась чуть боком, готовая бежать от странного типа, но все же спросила:

– Вы Миша?

– А кто ж тут еще может быть! Правильно, между прочим, что переоделась! Андрюху голыми руками не возьмешь, потому бери его голыми ногами! Ну, раз, говоришь, знаешь, куда идти, то и иди!

Он махнул рукой, определяя ей путь, и Наташа пошла в ту сторону.

Мишка, наморщив лоб, стал размышлять, что это у него так неспокойно стало на душе. Красивая… В шапочке… Переоделась… Стоп! И перекрасилась, что ли? Поначалу-то она темная была, а теперь – блондинка. Господи, надо правда меньше пить! Это же были две разные девушки! Выходит, Панин двух к Андрею послал? Не может быть такого, Андрей после ранения еще слаб, к чему ему две? Тогда что?

Размышляя на эту сложную тему, он хотел было допить бутылку, но тут увидел, что под елочкой срезает гриб еще одна красная шапочка. Косичка русых волос, схваченная резинкой, выбивается на затылке.

Он подошел к ней:

– Мне почему-то кажется, что именно вам я должен указать истинный путь.

Красная шапочка подняла голову, удивленно взглянула на него. Это был седой старик с длинными волосами.

– Грешно смеяться над старыми людьми, молодой человек, – с укоризной сказал он.

А Наташа тем временем, ругая себя за то, что надела высокие шпильки, подошла к краю болота. Осмотрелась, не видя, куда идти дальше, вытащила сигареты и не нашла ничего лучшего, как усесться на муравейник. Ящерица пробежала по траве. Наташа поджала ноги, и тут

муравьи добрались до ее тела, заорал над головой ворон, а на ближнюю корягу стал выползать уж.

– Мамочка, – тихо сказала девушка. Потом уже заорала нечто непотребное и помчалась в сторону города, на бегу сбивая с попы насекомых.

4

В данный момент Алана можно было называть бомжом – человеком без определенного места жительства. Свою двухкомнатную квартиру в Зябликово он продал, вложил деньги в строительство коттеджа в прекрасном месте – недалеко от столицы, озеро, лес, солидные соседи… К ноябрьским туда уже можно будет переселяться, а пока Алан снимал номер «люкс» в гостинице. Дела его шли до последнего времени неплохо, он уже конкретно прорабатывал возможность приобретения второго ресторана, морально готовил себя к тому, чтобы открыть сеть маленьких кафешек…

Но вот появилась проблема – Рассадин.

После встречи с ним Алан попробовал было поговорить со Стасом, может, вдвоем легче было бы торговаться с Константином Евгеньевичем, но Стас занял жесткую позицию: ты как хочешь, а от меня он ничего не получит.

Алану быть жестким нельзя. Алан лицо кавказской национальности, к тому же не нашедший общего языка со своей диаспорой. Нет у Алана поддержки. Он ни на йоту не нарушает сейчас законов, но когда-то – грех был.

Узнать бы, какие бумаги сохранились у Рассадина. Но как? И пока это неизвестно, приходится отстегивать бывшему идеологу райкома партии, держать за дверью своей комнатки крепких ребят и ежемесячно повышать зарплату Бислану, старшему из охранников.

Вот как раз Бислан стучится в дверь, говорит с порога:

– Я в магазин сгоняю, племяннику надо подарок выбрать.

Бислан выходит из гостиницы, и водитель Рассадина показывает на него Волину:

– Он собой хоть что-то еще представляет, а остальные – фуфло. Ничего, кроме понтов.

Они уже долго сидят в машине, выбрав для этого место, не просматривающееся из окна номера, который занимает Алан.

– Тяжело с ним будет? – спросил Волин.

– Не будет. Думаю, Константин Евгеньевич его купит с потрохами. Это он сейчас Бислана на разговор вызвал.

– Тогда чего мы сидим?

– Пойдем.

Они поднялись на нужный им пятый этаж. Водитель только сейчас вспомнил о главном:

– Мы тут в прошлый раз с Хряком повеселились… Они наверняка теперь двери на замке держат. Выламывать будем? Рассадин, кстати, просил действовать эффектно.

– Эффектно, но не глупо. Оно нам нужно – перед ментами светиться? А они на шум прибегут.

– Тогда что ты предлагаешь?

Волин увидел женщину, идущую по коридору. Подошел к ней, пошушукался, и водитель увидел, как напарник протянул ей две «пятисотки».

– Друзей разыграть? – сказала та. – Чего ж не помочь, да если еще платите. Пожалуйста. Какая дверь?

Водитель показал на нужную, и женщина вместе с ними подошла и постучала:

– Мальчики, открывайте, белье меняем!

За дверью послышались шаги, заворочался ключ…

Охранники действительно были дилетантами, не могли даже удары держать. Расправились с ними за пару минут, загнав под стол. Водитель ногой стуканул по двери, ведущей в комнату Алана, чуть с петель не сорвал. Алан, бледный, стоял у стола, держась за спинку кресла. Водитель по-свойски прошел к нему, уселся рядом:

– Ты из какого детсада этих пацанов набрал?

Ресторатор вытер пот со лба:

– Зачем спектакль устроили? Мы же с Константином Евгеньевичем договорились, я приготовил ему кейс. Мой телефон у вас есть, позвонили бы снизу, деньги тут же вынесли бы…

Бесхитростный водитель сказал что знал:

– Прости, Алан, но босс распорядился действовать эффектно, так уроки, учит он, лучше запоминаются. Мы и далее будем что-нибудь придумывать. Волин на это горазд. Ты, кстати, лично нам должен две пятисотки, на спектакль потратились.

5

Настя сидит на корточках у какого-то невзрачного растения, делает запись в тетради. И даже вздрагивает, услышав за спиной голос:

– Устала от ожидания, да? Ну вот он я. И что дальше? Как будем деньги отрабатывать?

Она посмотрела на бледного худого парня, опершегося на ствол старой березы. Господи, подумала, что же сегодня за день такой: то пьяница, то сумасшедший. У этого совершенно нездоровые глаза, можно всего ожидать…

– Ладно – ты, посторонний человек, но Вадим, Вадим! За кого же он меня считает, а? Долго он тебя уговаривал?

– Меня не надо уговаривать, – ответила Настя.

– Вот как, даже уговаривать не надо было? Увидела деньги и согласилась? И сколь же он тебе… Сколько же он…

Висок заныл так, что Андрей стал массировать его двумя руками. Но боль не утихала, стала, как током, пронизывать ноги, руки, в глазах потемнело, и Андрей потерял сознание.

…Очнулся он на своей кровати. Вокруг суетились Анна Федотовна, Сергей Иванович и некто в вязаной красной шапочке. Уши Андрея были словно забиты ватой, и голос Анны Федотовны звучал как бы издалека-издалека:

– Как же ты его дотащила, девонька?!

– Он легкий. И потом, немного сам шел, я только плечо подставляла.

– Ишь, как его в пот бросило. Надо хоть у горла рубаху расстегнуть…

Эта фраза привела Андрея в чувство. Не хватало еще, чтоб они шрамом любоваться начали.

– Все, – сказал Андрей. – Все, спасибо! Я сам теперь… Сергей Иванович, пусть все выйдут.

– Мы уходим, уходим, – закивала Анна Федотовна, а сама показала на ватман, лежащий на столике у изголовья. На нем был выполненный карандашом портрет женщины. Настя без труда поняла, что это был портрет Анны Федотовны.

Вышли в коридор. Женщина сказала:

– Меня рисует. Говорит, еще не закончил, а мне так очень нравится.

– Он художник?

Женщина не успела ответить, зазвонил телефон, и она поднесла трубку к уху:

– Появилась гостья, ага. Помогу, конечно… – И уже пояснила Насте. – Вадик звонил, спрашивал, встретил тебя Андрюша или нет. Не стала ему подробности сообщать, сама потом расскажешь.

– Вадик? Я не знаю никакого Вадика!

Анна Федотовна с улыбкой, по-заговорщически подмигнула девушке:

– Ну да, ну да, это ваши дела. Я в них вмешиваться не буду.

– Нет, – ответила Настя. – Это как раз я не хочу ни во что вмешиваться. Где моя тетрадка? А, я ее в комнате оставила, придется зайти на пару секунд. – И прежде чем это сделать, спросила: – У этого парня что, с головой проблемы?

– Не надо так, – подал голос Сергей Иванович. – Парень еле выжил, ему пули там, – показал себе на грудь, – все изрезали! Чечня – это тебе, девочка, не лесная прогулка. К тому же погоны снял, инвалидность… Понимать надо.

– Извините, – только и сказала Настя.

Зашла в комнату, взяла с тумбочки свою тетрадь.

Андрей лежал с закрытыми глазами, растирая ногу. По скрюченным пальцам Настя поняла, что стянуло судорогой мышцы.

– Снимай брюки, – сказала она.

Андрей открыл глаза, изумленно посмотрел на девушку:

– Нравы у вас, однако!

– Снимай, переворачивайся на живот и не скули. Массаж делать будем. Это я умею.

6

С того места, где стояли Рассадин с водителем, хорошо было видно, как по летному полю шли к зданию аэропорта пассажиры, прилетевшие утренним рейсом из Киева. Рядом со Стасом топала полненькая темная девушка, что-то говорила ему, и оба они улыбались. Улыбнулся и Рассадин.

– Что, – спросил водитель, – похожа на его давних подружек?

– Один к одному. Где такую выкопали?

– Знакомая нашего Волина. Антонина Ярема. Он ей позвонил, объяснил ситуацию – и вот, пожалуйста, она села на один борт с нашим Стасом, успела познакомиться с ним еще в «Борисполе»… Вообще, Волин башковитый парень.

– Глупых держу только в порядке исключения, – сказал Константин Евгеньевич, даже не думая, что собеседник может обидеться. – Хотя преданность иногда стоит выше ума. Ну что ж, первый акт мы посмотрели, будем переходить ко второму.

И Рассадин поднял палец, услышав, как захрипел динамик громкой связи. По нему дикторша объявила:

– Гражданин Васильев, прибывший рейсом двести два из Киева, просим подойти к окошку объявлений.

Пассажиры уже входят в аэровокзал, образуется толпа, но Рассадин цепко держит в поле зрения нужные ему объекты. Затерялась в людской массе Антонина, Васильев, державшийся чуть позади своего шефа, сейчас подошел, говорит ему что-то. Дикторша повторяет информацию, и Васильев, пожав плечами, идет к окошку объявлений. Там ему вручают конверт, он тут же раскрывает его… Отсюда, конечно, не видно его содержимое, но Рассадин знает о нем и так. Васильев сейчас достает из конверта фотографию. На ней – его дочь, Варенька, в венке из желтых одуванчиков, среди луговых цветов. А рядом с ней – ковбой из американского боевика, с пистолетом, и ствол направлен прямо в ребенка. Внизу приклеены вырезанные буквы: «Папа, думай обо мне!!!»

И все.

Но этого хватит с лихвой, поскольку надо знать, как Васильев любит своего единственного ребенка.

Рассадин видит, как руководитель службы охраны Стаса прислоняется плечом к колонне. Ему явно заплошало. Стас подходит… Вот теперь надо сразу наносить еще один удар.

И Константин Евгеньевич говорит водителю:

– Иди к Стасу и скажи, что я его здесь жду. По очень важному делу.

– А если не пойдет? – спрашивает водитель и сжимает кулак. – Можно чуть-чуть в ребро заехать?

– Это пока слишком… Стоп! Отбой нашим планам. – Рассадин увидел, что к Стасу подошел Панин. – Опять он невовремя объявляется. Пора, значит, и им заняться.

А Панин вместе со Стасом и Васильевым едут сразу же в офис. Ведут разговор в машине, продолжают его в кабинете шефа. Это тяжелый разговор.

– Я и раньше думал об уходе, а сейчас просто еще один и самый главный повод, Станислав Викторович. Семьей рисковать ради работы не могу и не буду. Дочь у меня как Снегурочка, поздняя и единственная, с таким трудом слепленная… В общем, не надо меня уговаривать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.